

Елизавета Лодыженская

Лето в Гапсале

Елизавета Лодыженская

Лето в Гапсале

«Public Domain»

1856

Лодыженская Е. А.

Лето в Гапсале / Е. А. Лодыженская — «Public Domain», 1856

«В 1840 году, по дороге из Ревеля в Гапсаль, тащилась на восьми или девяти маленьких чухонских лошадках тяжелая дорожная карета, нагруженная важами и чемоданами. В карете сидели три женщины: дама средних лет, почти старушка, молодая девушка – ее дочь, и горничная. Госпожа Глинская наружностью своей принадлежала к числу тех старых дам, которых встретите везде: на бале, на гуляньях, и которые все как-то кажутся на одно лицо. Трудно описывать эти лица: в них ничего нет характерного, в памяти от них только лишь и остается приличный чепец, приличная шляпка, приличное шелковое темное платье...»

Елизавета Лодыженская

Лето в Гапсале

Посвящается И. С. Тургеневу

В 1840 году, по дороге из Ревеля в Гапсаль, тащилась на восьми или девяти маленьких чухонских лошадках тяжелая дорожная карета, нагруженная важами и чемоданами. В карете сидели три женщины: дама средних лет, почти старушка, молодая девушка – ее дочь, и горничная. Госпожа Глинская наружностью своей принадлежала к числу тех старых дам, которых встретите везде: на бале, на гуляньях, и которые все как-то кажутся на одно лицо. Трудно описывать эти лица: в них ничего нет характерного, в памяти от них только лишь и остается приличный чепец, приличная шляпка, приличное шелковое темное платье... Г-жа Глинская была женщина добрая, но слабая и совершенно незначительная. Всю жизнь свою она постоянно находилась под чьим-нибудь влиянием. В детстве она дрожала перед гувернанткой и родителями, шестнадцати лет вышла она замуж за человека умного и прекрасной наружности, который женился на ней по расчету, и в течение двадцати лет супружества ни разу не решилась она высказать перед ним своего мнения о чем бы то ни было. Ее обыкновенный ответ был: «Как хочешь, друг мой»; «Я готова»; «Как тебе угодно»; да испрашивали-то ее лишь так, для формы. Когда подросла у нее дочь, незаметно перешла она под влияние дочери и стала на все смотреть ее глазами. Впрочем, не мудрено было и подчиниться моральному превосходству Юлии. Она наследовала ум и характер отца, вместе с его прекрасной наружностью. Высокая, стройная, но не слишком тонкого и нежного сложения, она была исполнена огня и жизни; когда она одушевлялась в разговоре, из черных глаз ее казалось сыпались искры; ноздри ее тонкого, правильного носика слегка расширялись; прозрачный румянец освещал ее смугловатое лицо; алые, оттененные легким пухом, губки как будто расцветали. Особенно хороши были ее черные, с синим отливом, волосы; не слишком густые, но тонкие и ровные, они ложились сплошной, зеркальной массой, обрамляя ее несколько продолговатое лицо. Все движения Юлии дышали грацией и живостью, но не ленивой грацией рассчитанного кокетства и не игривой живостью беззаботного ребенка; грация была врождена ей, а живость происходила от пламенного воображения. В ней была чудная способность все на свете прикрашивать воображением, во всем находить предмет для мечты. Многие скажут, что такая склонность опасна для молодой девушки – ни чуть не бывало. Юлия именно ею и была ограждена от всякой опасности; мечты удовлетворяли ее; она передумывала то, что другие бы сделали; романы, которые слагались в ее голове, были так подробны и так разнообразны, что она не успевала их осуществлять; к тому же воображением у нее заглушалось сердце, от чего могли страдать другие, но уж никак не она сама. Она скоро разочаровывалась: что ей нравилось, что восхищало ее вчера, то надоедало ей сегодня, и нередко случалось ей заменять восторженный идеал карикатурой. Впрочем, надо отдать ей справедливость: она была добросовестна и не способна была ни на какие поддельные чувства, несмотря на гибкость воображения; восторг и разочарование были в ней искренни, и она не скрывала ни того, ни другого.

Но странно то, что ее мать, спокойная, смиренная Елена Николаевна, поддельвалась под эту подвижность воображения; она разделяла восторги дочери и не удивлялась быстрым переходам от них к совершенному охлаждению. Читатель поэтому догадается, что они теперь ехали в Гапсаль по желанию Юлии: молодой девушке надоела петербургская жизнь; она уже успела насладиться вдоволь в продолжение двух лет, как зимними удовольствиями, так и летними поездками на острова и дачной жизнью. Она скучала однообразным волокитством гвардейских офицеров и дипломатического корпуса; ко двору они не ездили, но посещали общество, имевшее доступ ко двору, общество, где смотрели на них несколько свысока.

Юлии захотелось простоты, бесцеремонности, сельских удовольствий, поприща, на котором бы она могла играть первую роль, и вот она уговорила мать сказаться больной и изъявить желание ехать на морские ванны именно в Гапсаль. Юлия слышала о нем от одной подруги, которая не могла нахвалиться летним образом жизни в этом городке. Дмитрий Петрович Глинский несколько удивился, когда жена объявила ему, что с некоторых пор она чувствует приливы крови к голове, и что ей необходимы морские ванны в Гапсале. Правда, Елена Николаевна не совсем удачно выбрала себе болезнь: она была суха и бледна, и от роду не жаловалась на головную боль. Недоверчивый взгляд мужа и восклицание его: «Помилуй, матушка! Да в тебе и крови-то нет!» – смутили было бедную женщину, но тут Дмитрий Петрович догадался в чем дело и весело захохотал: «Да это Юленькины штуки, я узнаю ее: она давно что то бредит Гапсалем. Сказала бы ты просто... Что ж? Ступайте, я вам не помеха; морские ванны никому не вредны».

Итак, Юлия подъезжала к цели своих желаний, к обетованному Гапсалу, и не могла скрывать своей радости. Ее утомил стоверстный переезд из Ревеля в этот город; в последней корчме их продержали часов пять для корма лошадей, и Юлией овладело какое-то судорожное нетерпение. Они находились, наконец, в двух верстах от Гапсала; экипаж катился, если не скоро, то плавно и ровно, по гладкой дороге. Почва в тех местах чрезвычайно камениста, и почти везде встречаешь самородное шоссе.

Юлия высунулась из окошка, стараясь завидеть город, и вдруг разбудила дремавшую Елену Николаевну восклицанием: «Посмотрите, маменька, какой странный дом, точно фабрика!» Елена Николаевна встрепелась, протянула шею к окошку и повторила в полголоса: «Да! Точно фабрика», – и опять закрыла глаза.

Действительно, этот дом, который принадлежал барону Вонненштерну, одному из известных аристократов, имел вид фабрики. Дом этот был двухэтажный, довольно длинный, белокаменный, с красной черепичной крышей; фасад его представлял бесчисленный ряд окон и ни одного крыльца, ни одного балкона; вокруг него и перед ним расстился довольно обширный сад, пополам с огородом, отгороженный со стороны дороги низеньким каменным забором. Юлия глядела на этот дом и думала про себя: «Как здесь должно быть скучно жить». Но тут дорога вдруг сделала поворот, и Юлия увидела перед собой собрание маленьких, низеньких домиков, над ними возвышались черный, остроконечный шпиль церкви и серые каменные развалины католического монастыря... это был Гапсаль. В какой-нибудь версте от города начинаются пески; надо было ехать медленно – новое испытание для нашей героини. Сначала по обеим сторонам дороги видела она пред собой поля с рожью, огороженные каменными заборами; вскоре налево представилось ее глазам кладбище, а за ним вдали море; потом белая корчма с соломенной крышей на четвероугольных столбах; против корчмы, по правую сторону дороги, поворот в большую дачу графов де-ла-Гарди, которых дом и парк виднелись в отдалении, и наконец, без всякого шлагбаума, карета въехала в узкую, немощенную городскую улицу. Жители выглядывают из окон, длинноволосый ямщик чухонец похлопывает своим трехаршинным бичем. Вот уже миновали и рынок, и желтенький докторский дом, и выезжают на площадь. Это, по моему мнению, самое милое, самое приветливое место в Гапсале. С одной стороны, над валом, стены монастырских развалин, к которым прислонена гауптвахта, направо – белая церковь со своими шпилями, и около нее две старые густоверхие липы, а прямо напротив казенные здания и салон – красивое одноэтажное строение с маленьким садиком.

Карета остановилась в конце площади, перед первым домиком, в начале узенькой улицы, против церковной ограды. Из окон этого беленького, с зелеными ставнями и красной крышей домика, можно было видеть всю площадь.

Юлия весело выпрыгнула из кареты и побежала осматривать свое будущее жилище. Оно ей понравилось и, несмотря на тесноту комнат, на скудость жесткой мебели, на недостаток

удобств, все казалось ей прекрасно и мило, от крошечного садика, засаженного крыжовником, до крошечного крылечка с зелеными, деревянными скамейками.

Не стану описывать жизни моих героинь в первые три недели пребывания их в Гапсале. Все те, которые пользовались морским купаньем в этом городе, знают, что первое время посвящается приезжими на теплые ванны, с постепенным уменьшением градусов, для приготовления себя к холодному, морскому купанью. В это время всяк боится простудиться, чтоб не испортить всего лечения, всяк кутается и сидит у себя; улицы пусты, на гуляньях и на морском берегу никого не видать. Юлии этот образ жизни не понравился, хотя она не очень подчинялась общему правилу. Но ей надоело бродить одной с матерью по пустынному гулянью, у морского берега сидеть у окна и глядеть на пустую площадь, которой тишина лишь изредка прерывалась дребезжащим стуком двух дрожек, единственных экипажей, разъезжавших по городу. Одни дрожки принадлежали доктору, Юлия узнавала их по светлому кафтану кучера; а другие – управляющему таможенной, маленькому сутуловатому старичку, который, съжившись и завернувшись в старую шинелишку, трясся аккуратно по два раза в день в таможенную, на старом, развалившемся калибере, со старым кучером и на старой, хромой лошаденке.

«Да это просто мертвый город, – говорила Юлия матери, почти с отчаянием: – тут решительно с тоски пропадешь». Единственным развлечением нашей героини были ежедневные посещения доктора, и те, которые его помнят, поймут, что они не могли доставить большого удовольствия молодой девушке. Доктор Х. был человек лет сорока семи, среднего роста, с бледным лицом, светло-голубыми, задумчивыми глазами, с густыми рыжими волосами, закинутыми несколько беспорядочно в одну сторону. Это был добросовестный врач, и многие с благодарностью вспоминают о нем; но он был не очень разговорчив, не очень красноречив, и не любил терять время понапрасну, особенно со здоровыми людьми, приехавшими в Гапсаль забавляться, а не лечиться. Время же его было сочтено; он был один в городе, и сверх того даром лечил бедные семейства. Он умер жертвой своей благотворительности, от заразной болезни, схваченной в приюте бедности. Мир праху твоему, добрый, сострадательный человек! Ты предпочел смиренную долю благотворителя и утешителя бедных жителей Гапсали громкой славе и блестящему положению, которые могли тебе доставить твои познания, твоя опытность в медицине! Как я помню его! Приедет, бывало, поутру, часов в девять, всегда неутомимый и деятельный, спросит с участием ломаным французским языком: «Как вы себя чувствуете?» – сядет, выслушает ваш ответ, опираясь на свою палку и глядя вниз; потом начнет целый ряд неутомимых вопросов, тех же и тех же каждый день, даст несколько советов, глубокомысленно пожелает вам доброго здоровья и уедет... а там глядишь, через два дома опять остановился.

Но я увлекаюсь собственными воспоминаниями о добром враче, и забываю свою тоскующую героиню. Наконец стало повеселее в Гапсале: началось холодное купанье, город оживился, приезжие вылезли на улицу и стали появляться на гуляньях. Наши дамы приобрели несколько знакомств; поводом к сближению обыкновенно служила встреча в купальнях, которые нанимаются по часам; одни входят, другие выходят, начинаются взаимные извинения, и вот знакомство сделано. Потом кто-нибудь решится на первый визит, а там и подружатся. В этот год было много всякого народа в Гапсале; общество было несколько смешанное, что имело также своего рода прелесть. Тут была молодая женщина из купеческого звания, вышедшая за дворянина, не дурная собой, но не совсем ловко корчившая большую барыню. Тут была старая дама, с предлинным именем, с отвисшей губой и торжественной поступью; все считали ее за губернаторшу из какой-нибудь дальней провинции; она очень любила зазывать всех к себе и угощала своих гостей с особенным достоинством. Были тут и какие-то московские барышни среднего круга, манерные и визгливые дивицы, которые всюду возили с собой крепостного парикмахера, и поэтому каждый день являлись в новой затейливой прическе. Были тут четыре семейства, состоявшие из несметного количества отцветших, но еще так называемых молодых женщин, старых дев, с претензией нравиться, и нежных мужчин. Эти четыре семейства, с фамилиями

на «вич», казалось тесно были соединены между собой узами дружбы и любви, никогда не разлучались, и ходили большей частью рука с рукой, что не помешало им, однако, к концу сезона всем перессориться. Было тут и целое рыжее семейство петербургского помадного фабриканта Ленке, выдававшее себя за негоциантов. Был один господин, разбитый параличом, но еще державшийся на ногах. Этот господин с утра до вечера бродил по берегу моря, с одним и тем же неподвижным выражением лица, оловянными глазами, лощеной шляпой, клеенчатым фраком и раскрытым дождевым зонтиком. Был какой-то молодой чиновник в очках, с приподнятыми кверху плечами. Были молодые князья Р. с матерью, артисткой, большой охотницей снимать живописные виды. Много было и других, но всех не перечислить.

Глинские сблизилась кое с кем; чаще прочих видели они г-жу Ольгину, молодую даму из купчих, г-жу Рубановскую-Денкевич, старую гостеприимную даму с отвисшей губой, и молодых князей Р. Но это общество не занимало Юлию: это была пародия знакомого ей петербургского общества, а ей хотелось новенького, ей хотелось познакомиться с эстляндской аристократией.

Наконец, начались собрания в салоне; за пятнадцать рублей ассигнациями Глинские приобрели право быть на бале два раза в неделю, во все продолжение лета. Юлия с детской радостью готовилась к первому балу. Она устроила себе простенький, но изящный туалет: бережливое платье василькового цвета и легкую шляпку из прозрачной соломы с полевыми цветами и в ожидании открытия бала, села у окна, из которого можно было видеть проезжавших и проходивших в салоне. Тут началась сцена вроде той, которая бывает в наших провинциальных городках. Многие подъезжали, заглядывали в залу и, нашедши ее пустой, уезжали. Наконец четыре связанные семейства на «вич» решились, хлынули в залу, и она разом наполнилась. Вслед за ними подъехал высокий *char-à-bancs*, нагруженный немецкой молодежью, в альмавивах и серых фетровых шляпах с широкими полями. Они важно и спокойно вошли в залу молчаливой толпой, а затем вскоре съехалось и все общество. Юлия с матерью отправилась пешком. Когда они вошли, музыка уже играла, – и какая музыка! Пять музыкантов всего – и каких еще! Две или три пары вальсировали: рыжие г-да Ленке с затейливо причесанными девицами. Немцы в нерешимости стояли отдельной группой; остальные дамы и девицы расположились около стенки. Появление Юлии произвело всеобщее впечатление, все головы повернулись к дверям, из группы баронов послышались не слишком сдержанные восклицания восторга. Г-жа Глинская нашла себе место около г-жи Рубановской-Ленкевич, а Юлия села на первый пустой стул и очутилась возле незнакомой ей девицы. Ее соседка составляла совершенную противоположность с нашей героиней, она была также высока ростом, но не так стройна; талия ее была как-то коротка, движения и походка не совсем ловки, но не лишены грациозности, маленькая, прелестная головка ее как-то не шла к ее роскошным плечам; правильное лицо дышало нежным румянцем и свежестью, – свежестью, не известной нашим светским красавицам. Черты ее были неподвижны, и большие удивленные голубые глаза украшали, но не оживляли ее лица; волосы ее были белокурые с золотистым отливом. Словом, девица Каролина Розенберг совершенно олицетворяла собой этот тип цукер-пупхен, который встречаешь во всяком немецком обществе, в более или менее миловидных формах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.